

Хуай-ван — потомок преступника. Как только эти слова прозвучали, в зале Цзяншань воцарилась гробовая тишина.

Лишь мерно капала вода в медном драконе, да курильницы наполняли воздух густым дымом, от которого становилось почти невозможно дышать.

Сановники украдкой поглядывали на Хуай-вана.

Чжоу Цзэи стоял с высоко поднятой головой, его лицо оставалось невозмутимым, и по нему невозможно было прочесть ни гнева, ни радости.

Линь Цэ, словно заранее ожидавший такого поворота, сохранял отстраненный вид, а в уголках его губ даже затаилась едва заметная холодная усмешка.

После короткой паузы сторонники Гун-вана, единоутробного брата императора Сюаньфу, вышли вперед, чтобы поддержать обвинение:

— Хуай-ван, хоть и является ближайшим по крови родственником покойного императора, менее всего подходит на роль преемника.

Разумеется, продвигали они своего господина — Гун-вана. Вскоре подали голос и приближенные двух других князей.

Речь шла о троне, поэтому несколько фракций тут же сцепились в яростном споре, не стесняясь в выражениях. Вскоре дело дошло до того, что перед лицом всех чиновников полетели грязные оскорбления, и благородный зал Цзяншань превратился в шумный базар.

Вельможи препирались полдня, но так и не пришли к согласию.

Великий сыту, потирая виски, обратился к правому канцлеру:

— Каково ваше мнение, господин Се? Кто должен взойти на престол?

В Наньчжао, согласно установлениям прежних династий, канцлер стоял во главе всех чиновников, управляя государственными делами и координируя работу трех гунов и девяти министров.

При императоре Сюаньфу вторым человеком в государстве был этот молодой правый канцлер — прямой внук главы клана Се, Се Синь.

В Наньчжао действовали две системы отбора чиновников: чацзюй и чжэнби.

Чацзюй предполагала, что местные власти выбирают из простолюдинов или мелких чиновников людей с безупречной репутацией и талантами, которые после сдачи экзаменов поступали на службу.

Чжэнби же позволяла императору или высшим сановникам напрямую назначать людей на должности.

Половину высоких постов в столице занимали представители знатных семейств. Клан Ван и Се были самыми влиятельными в Наньчжао, и посты левого и правого канцлеров веками переходили из рук в руки именно между ними.

Левый канцлер из клана Ван был уже глубоким старцем и последние годы посвятил изучению даосских практик и поиску бессмертия, давно отойдя от дел. Поэтому вся полнота власти сосредоточилась в руках правого канцлера Се Синя.

Се Синь был назначен на этот пост императором Сюанью сразу по достижении совершеннолетия.

Наньянский клан Се был могущественным и древним. Се Синь с детства славился как вундеркинд, обладавший феноменальной памятью. Он был одарен как в литературе, так и в военном деле, обладая талантом государственного мужа. Даже опытные сановники склоняли перед ним головы.

Именно его мнение было решающим.

Как только вопрос был задан, в спорящем зале воцарилась тишина. Все взгляды устремились на Се Синя.

Се Синь, статный и изящный, с утонченными чертами лица, слегка приподнял уголки глаз в едва заметной уверенной улыбке. Казалось, все нити управления миром были в его руках.

Услышав обращенный к нему вопрос, молодой сановник не ответил сразу. Он медленно и грациозно повернулся к Линь Цэ:

— Мне хотелось бы услышать мнение великого генерала Линя.

В его взгляде, помимо улыбки, читался леденящий душу острый блеск.

Старый сыту переложил проблему на него, и не прошло и мгновения, как он перекинул этот неудобный вопрос Линь Цэ.

Чиновники замерли, переводя взгляды на генерала.

Чжоу Цзэи едва заметно нахмурился и тоже посмотрел на Линь Цэ.

Пока вельможи грызлись между собой, Линь Цэ стоял, заложив руки за спину, словно происходящее его совсем не касалось.

Теперь же, когда все внимание сосредоточилось на нем, даже бамбуковые шторы за тронном, казалось, слегка дрогнули.

Взгляд из-под маски демона-цилиндра встретился с глазами Чжоу Цзэи, после чего Линь Цэ ответил Се Синю:

— Я? Военные не вмешиваются в государственные дела. В этом вопросе я полагаюсь на решение канцлера Се.

— Вы ошибаетесь, — мягко улыбнулся Се Синь. — Будь то военные или гражданские дела — все это государственные вопросы. Генерал Линь — опора нашего Наньчжао. Если преемник не получит вашего одобрения, воины не покорятся, трон не будет устойчив, и государству грозит смута. Кто станет императором — решать только вам.

Слова Се Синя прозвучали легкомысленно, даже с оттенком пренебрежения, отчего лица многих сановников изменились.

Однако клан Се был слишком могущественен. Даже когда Динго-хоу держал в руках тигровую печать и командовал миллионной армией Наньчжао, он не смел тронуть наньянских Се.

Теперь, когда император Сюаньэ скончался, даже князья из рода Чжоу не могли сравниться влиянием с Се Синем. Чтобы сесть на трон, нужно было получить его согласие, поэтому никто не хотел идти с ним на открытый конфликт.

К тому же в его словах крылся намек: если Линь Цэ не согласится, армия Чжэньбэй вполне может устроить военный переворот.

Се Синь улыбался, но его тон был агрессивным. Даже перед лицом пугающей маски демона-цилиндра его взгляд не дрогнул.

Их взоры скрестились, словно клинки.

Спустя долгое время из-под жуткой маски раздался спокойный голос:

— Высоким мнением это не назовешь. Но раз уж канцлер Се лично спрашивает моего совета, я не могу промолчать, дабы не показаться невежливым.

— Только что господа обсуждали дела, и одна фраза показалась мне верной: государь выбирает чиновников, назначая их на должности согласно талантам, избегая кумовства. То же самое касается и подданных, выбирающих себе господина.

— Птица выбирает дерево, на котором ей гнездиться, а мудрец выбирает господина, которому служить. И выбирают при этом не по внешнему происхождению, а по истинным качествам. Тем более что все принцы — потомки рода Чжоу.

Линь Цэ был возвышен лично императором Сюанью, который оказал ему огромное доверие. И все же он не стал защищать Хуай-вана, племянника покойного императора.

Сторонники Гуансян-вана обрадовались:

— Генерал прав! Отец Гуансян-вана, хоть и не был сыном вдовствующей императрицы, все же приходился братом императору Сюанью, а значит, Гуансян-ван — его племянник.

Сторонники Гун-вана тут же вставили:

— Гун-ван — единоутробный брат императора Сюанью, его старшинство выше, чем у Гуансян-вана, трон должен достаться ему!

Линь Цэ усмехнулся:

— Раз уж господа согласны, что важны лишь таланты, а не кровное родство, то какая разница, что Хуай-ван — потомок великой княгини Аньпин?

Сановники замерли, их улыбки мгновенно погасли.

Неужели Линь Цэ все-таки поддерживает Хуай-вана?

— Хуай-ван не подходит, потому что он...

— Потому что он десять лет провел под домашним арестом и не обучался управлению государством? Вы считаете, что у него нет знаний, необходимых императору? — Линь Цэ улыбнулся. — Верно, я разделяю ваши опасения.

Чиновники молчали.

Так Линь Цэ поддерживает его или нет?

Линь Цэ продолжил:

— Я долго жил за пределами столицы и не знаю, что происходит при дворе. Впервые приехал сюда и впервые нахожусь на собрании. Никого из принцев я не знаю, об их характере и талантах судить не могу.

Он бросил на Се Синя вызывающий взгляд:

— Раз канцлер хочет знать мое мнение, не соблаговолите ли вы, господин Се, рассказать о достоинствах и знаниях каждого из принцев? Тогда я смогу выбрать, кому служить.

Линь Цэ потребовал, чтобы Се Синь при всех оценил принцев.

Хотя никто не посмел бы обвинить могущественного канцлера в обсуждении государственных дел, но стоило ему открыть рот, как в его словах неизбежно проскользнула бы симпатия или антипатия, по которой сановники могли бы вычислить его выбор.

Линь Цэ снова переложил горячую картофелину в руки Се Синя.

Спор о престолонаследии тянулся уже долго, и все были измотаны. Но теперь внимание всех присутствующих было приковано к противостоянию Се Синя и Линь Цэ.

Этот негласный поединок был куда интереснее споров о троне. Даже сонные сановники выпрямились, с нетерпением ожидая продолжения.

Даже такой красноречивый человек, как Се Синь, на мгновение опешил. Он явно не ожидал, что Линь Цэ поставит его в такое положение.

Хитрый и расчетливый канцлер, разумеется, не собирался подыгрывать генералу и обсуждать принцев перед всем двором.

Его глаза сузились:

— Генерал Линь хочет, чтобы я оценил характер и таланты принцев?

— Канцлер шутит. Я — человек низкого положения, как я могу оценивать принцев? Но если вы отказываетесь рассказать об их заслугах, я не смогу сделать выбор.

— Вы правы, — Се Синь рассмеялся и, повернувшись к пустому трону, добавил: — Я согласен с генералом Линем. Не зная их качеств, трудно принять решение.

Помимо Хуай-вана, чье положение было восстановлено лишь недавно, Се Синь прекрасно знал возможности остальных четырех принцев.

Но этот хитрый политик упорно не желал раскрывать карты.

<http://bllate.org/book/20257/2020365>